

ЛЮБОВЬ

с особым цинизмом

АЛЛА МАССОРОВА

Алла Массорова

Любовь с особым цинизмом

«ИП Стрельбицкий»

Массорова А.

Любовь с особым цинизмом / А. Массорова — «ИП Стрельбицкий»,

Яна, приехавшая в родной город, чтобы наконец-то оформить развод с мужем, даже не представляет, в какие запутанные клубки могут переплетаться разновидности любви и сколько опасностей они таят...

Алла Массорова

ЛЮБОВЬ С ОСОБЫМ ЦИНИЗМОМ

(детектив)

Опять эти шаги за спиной. Хоть фонари и горели почти везде, но было как-то неприятно слышать это мерное неизвестно чье топанье позади себя на пустой ночной улице. Почти от самого магазина я их слышала – то дальше, то ближе, почти рядом. Я даже оглянулась пару раз – но никого не увидела, да и сами шаги смолкли на несколько мгновений. Совсем нервы ни к чёрту, подумала я про себя – может это разные люди по своим делам идут, а ты всё на свой счёт принимаешь! Кому я нужна в самом деле! Сейчас вот за переездом сверну в переулок, заодно и угол срежу, там до дому уже совсем рукой подать. И свернула. Здесь темнота казалась ещё гуще – совершенно чёрное пространство тянувшихся за низенькими заборчиками вскопанных огородов только подчёркивало одиночество светившихся кое-где окошек. Выпавший вчера снег за день растаял, ручейками собрался в лужи и расквасил дорогу в чавкающее месиво. Я уже метров через 20 поняла, что зря я сюда повернула – идти теперь пришлось в полной темноте, ближайший фонарь горел далеко впереди на повороте к дому, а эти шаги не исчезли, наоборот – сзади уже совсем близко слышно было, как кто-то, шлёпая по грязи всё быстрее приближается ко мне. Я ускорила шаг, я почти бежала к этому фонарю вдаль, как будто стоило мне выбраться из этой чавкающей темноты, шагнуть в круг света – и уже никакая опасность не сможет меня настичь. Но тот, что сзади тоже прибавил шагу. И как-только я поравнялась с узким проулком, ведущим вниз, к посадке возле железнодорожной линии, он неожиданно оказался сзади, обхватил руками и стал тащить... Я заверещала, но его рука в толстой куртке почти закрывала моё лицо, не давая дышать, я тянула пальцами этот его рукав, отчаянно дёргалась, пыталась вывернуться, приседая, я запрокидывала голову вверх, чтобы хотя бы мой нос был выше его локтя. Но он, обхватив меня другой рукой за талию, прижимал к себе и не пускал меня опуститься вниз. Он, тяжело дыша сквозь зубы хрипел мне в ухо: «Сука! Заткнись!» Я понимала, что если он утащит меня туда, влево – мне конец! И продолжала упираться изо всех сил, пыталась дотянуться до ближайшего забора – да где там! С каждым его рывком мы двигались к узкому проходу между глухих заборов! Ну, хоть кто-то же должен меня услышать! Может кто и слышал, но выходить не собирался – только яростный собачий лай со всех сторон был ответом на мой отчаянный визг. И вдруг он толкнул меня, сбил с ног и повалился сверху, к его хриплому рычанию присоединилось другое, совсем звериное, а его руки отпустили меня – он теперь взвизгивал тонко, почти по-женски, дёргался, толкая меня и отодвигаясь всё дальше, и наконец-то эта возня с криком и рычаньем стала удаляться. Когда я, упиравшись руками в грязь приподнялась, то увидела в свете далекого фонаря убегающую фигуру и собак. Мне тогда показалось, что их несколько. И только тут услышала где-то за спиной грохот железных ворот и мужской голос: «Ха! Фу! Ко мне, Ха!» Одна из собак оглянулась, напоследок облаяла убегающую фигуру и в несколько прыжков подскочила ко мне. Она стала вертеться рядом, наступая тяжелыми лапами на мои ноги, стараясь дотянуться горячим мокрым языком до моего лица. Но это было после всего почему-то совсем не страшно. Я обнимала её за лохматую шею, гладила большущую лобастую голову, плача и смеясь одновременно. Тот, кто кричал сзади, подбежал, схватил собаку за ошейник и ругая потащил в сторону: «Ах ты ж свинота! А ну место! Я тебя!» – Псинка виновато опустив голову перебирала лапами и даже поджала лохматый хвост. Я крикнула ему: «Не надо её! Обижать! Она же спасла меня! – я неловко разворачивалась, пытаюсь встать, поскользнулась и опять села в лужу, но продолжала – Вы не слышали, никто не слышал, а она услышала и пришла! Она спасла меня! От этого!» А он продолжал

скороговоркой, лишь слегка меняя интонацию, иногда видимо обращаясь и ко мне тоже: «Вы не бойтесь, извините. Я кому сказал! Она не кусается! Иди место! Ой простите. Я вам помогу» – тут он отпустил собачий ошейник и стал меня поднимать. Я видимо подвернула ногу – наступать было больно, и схватилась за него и тут же отдернула руку – даже в тусклом ночном свете было видно, как на его одежде расплываются темные грязные пятна.

– Ой, я вас испачкала!

– Да ну что Вы, в самом деле, пойдёте, сейчас всё почистим – подхватил меня под локти и повел к настежь распахнутым воротам, туда где видно было свет из распахнутой двери во дворе. На ходу он оглядывался на собаку и грозно приказывал – Иди место! А ну я тебя!

– Не ругайте, она хорошая – отвечала я за неё, всхлипывая, но он, по-моему, меня не слышал. Когда мы зашли во двор, он на мгновение остановился, показал рукой в сторону темной возвышавшейся громады, потом повернулся к светившейся распахнутой двери и спросил скорее сам у себя:

– Может в дом? Да тут вот и банька как раз... А? Давайте я вот тут вас посажу, а потом уж... – и мы зашли туда, где ярко горел свет. Он усадил меня на лавку, и тут же выскочил в темноту двора со словами:

– Вы тут это... Я сейчас ворота того... и эту на цепь посажу! Как это я забыл! А она вишь, через забор сиганула!

– Как хорошо, что она сиганула, – пробормотала я, щурясь от яркого света – страшно подумать, чтобы стало, если б она на цепи была... – он меня, конечно уже не слышал, где-то во дворе он гремел воротами, опять ругал мою спасительницу, а я только сейчас поняла, как мне было страшно. Глаза наполнились пекучими слезами, нос тут же отказался дышать, из него тоже потекло, и я оглянулась вокруг в поисках салфетки или чего-то более подходящего. Рядом стоял стол, накрытый цветастой скатертью, на нём – ноутбук, сигареты, пепельница, тарелка с нарезкой, электрический чайник и большая пузатая кружка. А салфеток никаких не было. В углу – огромный резной буфет, но глянув на свои грязные руки, я не решилась трогать его изящные ящики и дверки. Придёт хозяин – потом у него салфеток спрошу, да и умыться сперва не мешало бы. Я вытащила из кармана мокрых джинсов зажигалку, но добиться от неё огня мне не удалось. Жаль... Сигаретку бы хорошо сейчас... А пока можно чаю выпить, для успокоения... Я отпила из кружки и ощутила явственный алкогольный привкус. Впрочем, было вкусно, похоже на глинтвейн. И на самом деле успокаивало. Когда он вернулся, я эту его большую кружку уже почти всю и выпила. И почти успокоилась. Если бы помыться и переодеться – так и совсем хорошо было бы. Он прикрыл за собой двери, и положил на лавку нечто мокрое:

– Вот, я Ваш шарф там нашел, извините, что Ханна вас так напугала- он сел на табурет напротив меня.

– Это не мой шарф – ответила я.

– Вы не подумайте, я заплачу сколько скажете, я ж понимаю, раз такое дело.

– Ничего Вы не понимаете, и совсем это не она – покачала я головой, всхлипнула и попыталась улыбнуться.

– Да чего ж не понять! Это вы же кричали... Ну раз собака напала – перебил он меня.

– Да это не она напала! Она как раз прогнала того, кто напал! – возразила я.

– Но как же, я ж видел! – удивился он.

– Зажигалка есть у вас? – спросила я, понимая, что сейчас придётся долго рассказывать.

– Что? В смысле? – не сразу понял он.

– Курить здесь можно?

– А, это! Да, конечно – он, похлопав по карманам вытащил спички, подвинул поближе ко мне сигареты и пепельницу, когда я сунула в рот сигарету и протянула руку за спичками, он качнул головой.

– Давайте я вам... – поднёс зажжённую спичку и пояснил – у вас руки грязные, да и это вот всё – умыться бы вам. Он тоже закурил и продолжил – у меня банька тут, я вот... поэтому, Вы извините – и показал на свой грязный халат. Я глянула и засмеялась:

– Извините, это, наверное, нервы – но это и в самом деле было комично: мужчина по всему виду солидный, седина уже всю пробивается, борода такая профессорская, очки криво сидят, но видимо стильные, одет в перепачканный банный халат, обут в кроссовки на босу волосату ногу – сидит извиняется перед грязной незнакомой женщиной, бомжового вида, которая к тому же этот его халат и выпачкала. И заметив, что мой нервный смех его смутил продолжила – Это я должна извиниться за своё это всё! На меня вот только что напал здесь... этот! – весь ужас произошедшего опять встал перед моими глазами, губы мои задрожали, глаза защипало от слёз и пришлось голову поднять повыше, чтоб они опять не полились ручьём и дышать глубоко. Дышать выходило плохо – получались прерывистые всхлипы – Я... Я кричала, и никто... никто не слышал!

– Ну, я может не сразу услышал, вы извините, там в парилке не очень-то слышно – виновато сказал он, показывая на обшитую деревом дверь на соседней стене, – А как услышал, так я сразу халат набросил и побежал. Так, а что там было то?

– Я шла домой... а потом шаги сзади... и потом напал этот... я потом лучше расскажу – махнула я рукой и сделала глубокую затяжку – наконец мне удалось справиться, проглотить противный комок в горле, и уже почти спокойно я сказала – И ваша собака меня спасла, как её зовут, хоть?

– Ханна. А меня – Роман Викторович. Бурков. – сказала он и протянул руку.

– Меня Яна. Алексеевна. Казанская. – я было протянула и свою руку, и тут же увидев уже подсохшую грязь на ней, хотела отдёргнуть, но он засмеялся и пожал её.

– Ладно, уж, чего там, я и сам уже весь... – он задержал мою руку в своей, повернул её и глянул на моё кольцо, перстень с маленьким красным камешком, просто оно повернулось камешком вниз, так, что ободок стал похож на обручалку, и спросил – Вы замужем?

– Нет, это память о маме, – ответила я и повернула руку ладонью вверх, показывая камешек – Я его никогда не снимаю, а что? – смутилась я.

– Да нет, это я так. – сказал он, отпустил мою руку и тут же вскочил – А давайте я чай поставлю! Руки у вас совсем холодные, замерзли небось, мокрое всё...

– Давайте – согласилась я – а то я Ваш уже весь выпила.

– Нравится? Это знатный чай, на семи травах, с бальзамом! – он уже стоял возле скамеечки, доставал оттуда чашки, баночки, а чайник уже пел свою уютную песенку.

– Да я уж поняла, а умыться где можно? – я поднялась с лавки и догадалась стащить с себя совершенно грязную куртку и стояла с ней в руках посреди комнаты.

– Вам бы целиком так... умыться... Вот здесь вот – он распахнул дверь на дальней стене и за ней открылась розовая кафельная стена. Я прошла к ней, а он, оглядев меня, сказал – Свет там справа! Сейчас я вам сухое что-нибудь...

Ох, лучше бы я не глядела в это зеркало! Как в таком виде домой заявиться? Лицо в грязных разводах, волосы с левого боку мокрые, слипшиеся от грязи, воротник голубого свитера от них вымок и потемнел, левый рукав тоже весь в тёмных разводах, а на джинсы и куртку вообще было страшно глянуть – грязь с них нужно будет просто соскребать. А может – проще совсем выбросить. Но как в таком виде домой появиться? Хорошо, если Тёма откроет дверь, а если Ленка? Как я ей всё это объяснять буду? Она и так меня не очень-то... Эх, и понесла ж меня нелёгкая к этой Наташке, я ж как чувствовала – идти не хотела... Я умылась, вымыла руки и попыталась руками же снимать грязь с волос, но гораздо лучше моё

отражение в зеркале от этого, прямо скажем не стало. Я наклонилась над раковиной и стала полоскать волосы под краном. Вода лилась мне за шиворот, стекала по спине и рукам, так что на полу уже образовалась изрядная грязная лужа. Тут дверь за моей спиной приоткрылась и в ней появилась рука с полосатым халатом, пошарив по стене, она повесила халат на крючок, потом поставила тапочки возле порога и дверь закрылась опять. Я посмотрела на халат, на стиралку и душевую кабинку в углу и решительно стащила с себя грязные шмотки! Плюс-минус час уже всё равно ничего не изменит, а я хотя бы на человека буду похожа, если что – скажу, что у Наташки сидела! Я набрала на мобильном номер Артёма – не отвечает... Может кино смотрят, или в ванной... отправила ему СМС: «я буду через час», потом крикнула через дери: «Я тут стиральную машину включу!» для соблюдения приличий и не услышав ответа затолкала одежду в стиралку, поставила быструю стирку на 30 минут, двойное полоскание и отжим на максимум, ещё подумала, что свитеру капец теперь и полезла в душ. Как же хорошо стоять под струями горячей чистой воды! Скоро вода под ногами моими стала совсем чистой, а я всё поливала себя и тёрла, как будто хотела смыть само воспоминание об этом всём. Но этим ведь не ограничится! Неужели старая крыса опять за своё взялась... Как же я ненавидела его! Ненавидела и боялась. И ведь ничего же я не могу поделать! От этого бессилия накатило такое отчаяние, что я присела прямо там в душе и опять расплакалась. А может, это не он? Может Казанова? Или не может? Ох, лучше бы это был просто бомж или просто маньяк какой-нибудь! – даже перспектива оказаться жертвой маньяка казалась мне гораздо более привлекательной, ведь тогда у меня ещё оставался бы шанс уцелеть. А если это всё-таки он – тот уж не отступится теперь... Тогда совсем страшно...

Может я бы там и до утра плескалась, но скоро раздался деликатный стук в двери и следом вопрос:

– У вас там всё в порядке? Вам плохо? Может помочь?

– Нет! Я выхожу – торопливо ответила я и потащила с вешалки полотенце. Машинка уже перестала жевать мои шмотки и теперь завывала, как будто собиралась взлетать. Это, выходит, я целых полчаса уже здесь отмокаю?! Понятное дело – дядьке ждать надоело! Я навернула на голову полотенце и укуталась в халат, который доставал мне почти до пяток и очень удачно скрывал давнюю небритость на ногах. Ну а с какой стати их брить зимой, если живу я без мужа и хожу постоянно в джинсах? Кто ж знал, что вот так всё выйдет.

Когда я появилась перед ним, с первого взгляда стало ясно, что выгляжу я гораздо лучше – брови у Романа Викторовича приподнялись, на лице расплзлась улыбка, и кажется, он принялся за мною ухаживать! Вскочил и подвинул мне кресло, вытащил из буфета чашечку тончайшего фарфора с дивными птицами, налил горячего чая, и торжественно преподнёс мне. Причем ложечка на блюде при этом явственно позвякивала – видимо переволновался дядька. Огорчился, что лимона нет, даже хотел в этот свой дом за ним идти, да ещё каких-то горячих бутербродов делать, но тут уж я воспротивилась, сказала, что на ночь я не ем, а лимон терпеть не могу. Он еще пытался вести светскую беседу, рассуждая о сортах чая и о том, что пить его непременно нужно свежесваренный. Давно меня никто не кадрил... Я так отвыкла от этого, что и забыла каким образом положено реагировать в таких ситуациях и потому чувствовала себя довольно неловко. Да и мысли мои совсем другим были заняты, не до того мне было совершенно! Потому я и сказала ему в конце концов:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.